

Москва

5
2021

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив
журнала «Москва»

16+

5
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Юрий ПОКЛАД. <i>За победу!</i> Рассказ	3
Георгий СТЕПАНЧЕНКО. <i>Солнце встает.</i> Стихи	7
Анатолий САЛУЦКИЙ. <i>Немой набат.</i> Роман	12
Евгений АНТАШКЕВИЧ. <i>Повесть о полку Игоре</i>	82
Владимир ТЕПЛЯКОВ. <i>Звук имени.</i> Стихи	103
Дмитрий ТАРАСОВ. <i>Мама и Миша.</i> Рассказ	110
Николай КАЛИНИЧЕНКО. <i>Идет троллейбус по Москве.</i> Стихи	124
Василий АКСЁНОВ. <i>Пронизки</i>	130

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Сергей ДУРЫЛИН. <i>На чужой могиле.</i> Пасхальный рассказ	139
--	-----

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ЩИПКОВ. <i>Непобедимая и легендарная...</i>	155
Владимир МИКОЛАЕВИЧ. <i>Дети войны</i>	159

КУЛЬТУРА

Игорь КРУПКО. <i>Рифмы мира Олжаса Сулейменова</i>	169
Анна БАРСОВА. <i>Отважное сердце</i>	177
Сергей ДМИТРЕНКО. <i>Салтыков (Щедрин).</i> Биографическая повесть	181
Нина ТИХОМИРОВА. <i>Дети и война</i>	200
Максим ЕРШОВ. <i>Широко шагая</i>	203

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Рецензии на книги: Ю НЕСБЁ. **Королевство.** —

Сергей АРУТЮНОВ. **Твэлф (Двенадцатая книга стихотворений).** —

Хосе Карлос СОМОЗА. **Этюд в черных тонах** 220

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Михаил ВОСТРЫШЕВ. **Городской транспорт** 223

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Епископ АРСЕНИЙ (ЖАДАНОВСКИЙ). **Христос воскрес!** 228

Максим БОЙКО. **О причащении без исповеди** 232

Архиепископ НИКОН (РОЖДЕСТВЕНСКИЙ). **Памятники-статуи
святым угодникам** 235

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Отдел прозы и поэзии Н.В. БАЕВА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,

М.Б. СМОЛИН (председатель), митрополит ТИХОН (ШЕВКУНОВ), А.В. ЩИПКОВ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Рукописи, присланные по электронной почте, рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 12.04.21. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.

Тираж 1480 экз. Заказ

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: П2211 — «Почта России», 15612 — «Пресса России».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru; e-mail: priem@moskvam.ru

Соцсети: Facebook. <https://www.facebook.com/ZurnalMoskva/>

ВКонтакте. <https://vk.com/public180826834>

Одноклассники. <https://ok.ru/group/60690496159795>

Twitter. https://twitter.com/Moskva_Magazine

Instagram. https://www.instagram.com/moskva_magazine/

Telegram. https://t.me/joinchat/V_EofRUxtjHWdE9u

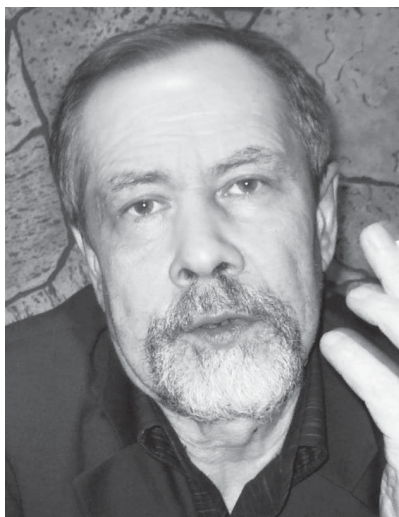
Отпечатано в АО «Красная Звезда». 125284, г. Москва, Хорошевское ш., 38. Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: <http://www.redstarprint.ru>; e-mail: kr_zvezda@mail.ru. Заказ 2669-2021.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 5, 2021

ЮРИЙ ПОКЛАД

ЗА ПОБЕДУ!

Юрий Александрович Поклад родился в 1954 году в Свердловской области в семье военнослужащего. Окончил нефтяной факультет политехнического института.

Публиковался в журналах «Аврора», «Юность», «Москва», «Слово/Word» и «Чайка» (США), «Подвиг», «Северные истоки», «Кольцо А», «Вторник», «Милиция», «Великороссы», «Северные просторы» и др., в альманахах «Петербургские строфы» (Санкт-Петербург), «Заполярье — судьба моя» (Архангельск). Рассказы звучали на радио «Русский мир» («Театр у микрофона»).

Автор книги очерков (2002) и трех книг повестей и рассказов: «Осколки Северного Братства» (2012), «На край света и даже дальше» (2014), «Увидеть радугу» (2019).

Член Союза писателей России.

Живет в городе Мытищи Московской области.

РАССКАЗ

В соседней квартире жил мой товарищ Володя. Я часто бывал у него, мы дружили. Его отца звали Сергей Иванович, этот человек был очень интересен мне. В отличие от других взрослых, он разговаривал с нами как с равными. Внимание взрослого человека в шестнадцать лет дорогого стоит. В его вопросах никогда не звучало высокомерия, он мог запросто спросить нас с Володей: «“Не хлебом единым” читали? Ну и как?» Мы читали эту книгу и спорили о ней, нам нравилось, что Сергею Ивановичу интересно наше мнение. Правда, выслушивал он его не всегда внимательно, постоянно куда-то торопился.

Лицом он был смугловат, чем-то похож на цыгана, горбонос, скуласт, глаза серовато-стального цвета. В хрипловатом, прокуренном голосе чувствовалась властность человека, привыкшего отдавать приказания. Володя любил отца, и мне он нравился, даже когда вел себя в семье неподобающим образом. Это случалось нередко, Сергей Иванович сильно пил. До нашей квартиры долетали звуки скандалов: возмущенный голос его жены Зинаиды Алексеевны, его самого, низкий, басовитый, и дребезжащий, надтреснутый бабушки Анны, матери Зинаиды Алексеевны, Володя называл ее бабулей.

Моя мама укоризненно качала головой: «Разве так можно?» Отец говорил: «Это не наше дело».

По праздникам у них собирались гости. Выпивали неумеренно, на следующий день я помогал Володе выносить на помойку многочисленные пустые бутылки из-под коньяка и водки.

Когда застолье переходило к песням, равным Сергею Ивановичу не было. Он обладал мощным, красивым голосом, хрипловатость придавала голосу особенную проникновенность. Прижав большую смуглую ладонь к широкой груди,

Сергей Иванович всегда обращался к кому-то из женщин, неотрывно глядя в глаза:

Постойте, мисс, не уходите,
я расскажу, как жизнь моя горька,
а у меня больная мама, помогите,
она умрет, когда придет весна!

Я запомнил эти строки и, став взрослым, разыскал оригинальный текст, он был несколько иной, Сергей Иванович, по-видимому, отредактировал его под себя, как ему больше нравилось. Песня трогала до слез, было жаль Сергея Ивановича, его больную маму и всю его несчастную жизнь. Но мне было известно, что жизнь Сергея Ивановича отнюдь не горька, он отлично устроился в отделе снабжения крупного предприятия, всегда был при деньгах, а мама его, по словам Володи, умерла давным-давно, еще до войны.

Слова другой песни, которую Сергей Иванович любил исполнять, я найти не смог. Запомнилась строчка, которую он проговаривал особенно пронзительно, протянув к слушателям руку со сложенными щепотью пальцами:

Не надо ждать, не надо ждать!

В этом призыве было страстное требование мужчины к женщине не медля ответить на любовь. В избыточной искренности звучало что-то неприличное.

Однажды я возвращался домой трамваем поздним вечером и увидел Сергея Ивановича с посторонней женщиной. И он, и она были выпивши и неприлично громко смеялись, не обращая внимания на других пассажиров. Потом женщина присела к Сергею Ивановичу на колени, и он обнял ее за обширную талию. В этот момент он наткнулся на мой недоуменный взгляд. На следующей остановке они поспешно вышли.

Я сообщил об этом случае Володе, он, несколько не удивившись, сказал: «Да, батя может, он такой...»

Мой отец не пил вообще, пьяным я его никогда не видел, у него болел желудок, и вообще алкоголь ему не нравился. И гости у нас бывали редко, почти не бывали: то ли приглашать было некого, то ли родителям не по душе были застолья. Отец мало читал, о книге «Не хлебом единым» даже не слышал. Более неподходящих друг другу людей, чем Сергей Иванович и мой отец, придумать было трудно.

Отца призвали в армию в 1938 году, он прослужил до 1969-го, выйдя в отставку в звании майора. При этом военную службу не любил, говорил, что она делает человека тупым. Он участвовал в боевых действиях на Халхин-Голе, прошел всю Великую Отечественную, закончив ее взятием Кёнигсберга.

Тот случай, о котором я хочу рассказать, произошел в 1970 году. Отец недавно уволился и привыкал к штатской одежде, раньше он ходил только в военной, другой не было. Ему полагались отрезки из зеленого сукна, мама шила мне из них брюки. И зимняя шапка у меня до десятого класса была серая, военная, со следом от кокарды. Не говоря уже о широком ремне от офицерской портупей, который я особенно ценил.

9 мая 1970 года исполнилось двадцать пять лет Победы, отца пригласили с утра на встречу ветеранов, и он надел штатский пиджак с наградами. Маме совершенно не понравилось, что он продырявил его двумя орденами Красной Звезды. Отец никогда не носил юбилейных медалей, называя их бляшками, надевал колодку с медалями «За боевые заслуги»,

«За оборону Киева», «За оборону Москвы», «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией».

Как и все фронтовики, он не любил рассказывать о войне. Однажды я сильно пристал с расспросами, и он сказал: «Ничего там хорошего не было, горело все». В то время я уже прочитал книгу Константина Симонова «Живые и мертвые», и война меня интересовала. Я порекомендовал эту книгу отцу, он прочитал и сказал, что там все правда. Оказалось, что в 1941 году он отступал по тем местам, которые описаны в этой книге, и даже вывел из окружения под Вязмой колонну из пятнадцати машин. Я спросил: тебя за это наградили? Он ответил, что в 1941-м, да и в 1942-м никого не награждали, не до того было, награждать начали в 1943-м, когда окончательно перешли в наступление.

9 мая 1970 года, вернувшись со встречи ветеранов, отец переоделся в полосатую пижаму и лег на диван отдохнуть. В выходные он спал днем. А я пошел к Володе.

У них День Победы праздновали вовсю, Сергей Иванович пел что-то военное. Он был командиром разведроты, уволился сразу же после войны в звании капитана. Я подумал, что у него также немало наград, и спросил об этом Володю. Володя ответил, что награды были, и много, но исчезли — украдены или еще куда-то делись, он точно не знает. После войны Сергей Иванович два года просидел в тюрьме. Я спросил Володю: за что? Оказалось, за хулиганство, кого-то избил. «Да, батя может, он такой...» Может быть, из-за судимости его и лишили наград, но Володе неудобно было об этом говорить.

Володя и я сидели на кухне, прислушиваясь к звукам торжества, как вдруг вошел Сергей Иванович.

— Как дела, мальчиши? — спросил он и, не дожидаясь ответа, обратился ко мне: — Где отец?

— Дома. Спит, наверное.

— Как это спит? Зови его. Пусть обязательно придет.

Я понимал энтузиазм Сергея Ивановича, но был уверен, что отец не согласится прийти, он вообще тяжел на подъем, даже во дворе в домино никогда не играет, а уж чтобы пойти в компанию малознакомых людей, так это вообще безнадежно.

— Я скажу ему, но, если откажется, не обижайтесь.

— Он не откажется, — сказал Сергей Иванович.

Отец по-прежнему дремал на диване, положив ладонь под щеку, мама с бабушкой что-то готовили на кухне. Я осторожно тронул отца за плечо и сказал:

— Тебя Сергей Иванович зовет. У них там День Победы празднуют.

Отец открыл глаза и спросил:

— Сильно зовет?

— Сказал, обязательно.

— Много там народу?

— Порядочно.

— Что ж, надо идти, если зовет.

Такого ответа я не ожидал, мне было странно, что отец согласился. И я подумал о том, что совсем не знаю своего отца. Когда я родился, ему было тридцать семь, для близкого духовного контакта возраст чересчур велик. Да и не любил он излишних откровений.

Отец женился в тридцать один год, три года после войны был холостяком; как он жил это время, что делал, неизвестно. Мама в первые годы после женитьбы готовила ему отдельно — протертые каши и супы, потому что желудок его был совсем негодным и ничего другого не воспринимал. Отец почти не рассказывал о себе, но я видел в альбоме его фронтовые фотографии с надписью на обороте: «Боевому другу. Помни!» Отец за

рулем машины-полуторки. Отец — пилотка на затылке — на пригорке в лесу. Отец с фронтовым другом старшиной Матвиенко. Я знал этого человека, он несколько раз приезжал к нам.

Я думал, что отец наденет пиджак с наградами, который так и висел на спинке стула после прихода со встречи ветеранов. Отец не стал его надевать, полосатую пижаму сменил на брюки и белую рубашку.

За праздничным столом было тесно, гости громко разговаривали и пытались что-то вразной петь. Когда отец вошел, Сергей Иванович жестом приказал какому-то толстому мужику потесниться на диване, чтобы освободить место. Зинаида Алексеевна принесла чистую тарелку и вилку. Отец положил на тарелку немного салата и половинку маринованного огурца. На столе было вполне достаточно чистых рюмок и фужеров, но Сергей Иванович принес два граненых стакана. Из серванта достал непочатую бутылку «Столичной», сорвав зубами жестяную «косыночку» с горлышка, налил оба стакана под поясок. Властным движением руки потребовал от гостей тишины, все мгновенно смолкли.

— Саша, за Победу! — сказал он, протягивая свой стакан к стакану отца, и мне показалось, что его глаза блеснули слезами. — За Победу!

То, что он назвал отца по имени, прозвучало для меня непривычно, но в то же время как-то естественно, эти два совершенно разных человека вдруг показались мне чем-то похожими и близкими друг другу.

— За Победу! — глуховато сказал отец, осторожно прикоснувшись краем своего стакана к стакану Сергея Ивановича, в его голосе я также почувствовал скрытое волнение.

Я не верил, что он выпьет водку до дна, думал, отхлебнет для приличия и поставит стакан на стол — не мог мой непьющий отец поступить иначе. Но он не спеша, как-то обстоятельно осушил стакан, потом, тоже неторопливо, взял с тарелки огурец и захрустел им.

Сергей Иванович выпил, не закусив.

Потом отец стал есть салат. Гости по-прежнему молчали, может быть, ожидая, что теперь фронтовики приступят к воспоминаниям. Ожидал этого и я, ведь Сергей Иванович форсировал Днепр, а отец защищал Киев и Москву. Но ничего подобного не произошло, оба сидели молча. Потом отец, коротко попрощавшись, ушел. Я немного задержался разговором с Володей и застал отца вновь дремлющим на диване в его обычной позе, с ладонью под щекой. Я хотел потихоньку выйти из комнаты, но отец, окликнув меня, сказал:

— Тебе попадетсЯ когда-нибудь представление сорок четвертого года к награждению меня орденом Красной Звезды, там вписано между строк, от руки: «Лично уничтожил двух немцев». Это командир батальона вписал для верности, чтобы орден наверняка дали. Так имей в виду, я их не убивал.

Просьба показалась мне неожиданной и странной.

— Разве кто-то покажет мне этот документ? Он же секретный.

— Так имей в виду, я их не убивал, — повторил отец, словно не услышав мои слова, и закрыл глаза, давая понять, что разговор на эту тему окончен.

Через сорок лет, когда отца давно не было в живых, я разыскал это представление в Интернете. Там действительно были вписаны от руки между печатных строк слова о двух уничтоженных немцах, но почему отец был так уверен, что я увижу этот документ, и почему ему так хотелось, чтобы я знал правду, осталось для меня загадкой.

Пройдя страшную войну, и Сергей Иванович, и мой отец умерли не своей смертью: отца сбила машина в семьдесят два года, а Сергей Иванович задохнулся от дыма в горящем складе, где он, пенсионер, подрабатывал ночным сторожем, в шестьдесят.

СОЛНЦЕ ВСТАЕТ

* * *

Мати моя, пустыня!
Сивая и седая,
Бродишь ты (ноги стынут)
Там, где ворота рая.

Бродишь ты (ноги стынут...
Ноги, босые ноги...)
И говоришь о Сыне
Скалам, холмам, дорогам.

Солнце встает — и жарко
Над головою светит.
Птицы летят над балкой.
Пыль поднимает ветер.

Падает тень от камня
На первоцвет убогий.
Вслед за пригорком — яма.
Ноги, босые ноги...

Георгий Валентинович Степанченко родился в 1952 году в Москве. Окончил исторический факультет Калининского (ныне Тверского) университета.

Работал учителем в сельских и городских школах, корреспондентом местных (ржевских) газет, редактором заводской многотиражки.

Автор 13 книг стихотворений. Печатался в журналах «Наш современник», «Русская провинция», «Дети Ра», «Арион», «Дон», «Подъем», «Человек на Земле», «Абрис музыки», в газетах «День литературы», «Литературная Россия», «Труд», «Литературная газета».

Лауреат премии «Традиция» СП России, Международного фестиваля «Славянские традиции», премии губернатора Тверской области по литературе.

Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Живет во Ржеве.

Хватит бродить устало
И говорить о Сыне!
Белый цветочек... алый...
Синий... И все — в пустыне.

Исцеление

— Встань и иди! Говорю тебе: встань и иди!
— Господи! Сердце, как птица, забилося в груди;
Словно горячий полился по жилам огонь...
Вот я встаю. Вот — иду... Это явь или сон?
Дивные, грозные смотрят мне очи в глаза.
Господи! Господи! Как Ты мне это сказал!
Так, что откликнулся в небе испуганный гром,
Так, что раздвинулся и задрожал окоем!
Вот — я иду. Вот — пляшу. Вот — рыдаю навзрыд...
Господи! Господи! Ангел по небу летит,
Ветку зеленую к легким бросает стопам...
И не увидел никто. Не услышал. Лишь давка да гам.
Только на миг бесконечный базар замолчал...
Только на миг. А потом он опять закричал.

Нагорная проповедь

«Блаженны нищие...» — и Слово, словно плуг,
Взрывает пашню нищей Палестины,
И все тесней смыкают люди круг,
Садясь у ног пришельца из пустыни.

«Блаженны плачущие...» — «Это Он — о нас?!»
И лица обожженные — светлеют.
«О, продолжай, мы слушаем рассказ!»
Чуть слышен вздох, едва восток алеет.

«Блаженны кроткие...» — и тихий слышен плач:
То мать о милом вспоминает сыне.
Не пощадил подкупленный палач,
Не помогли молитвы и святыни...

Но говорит и говорит пророк —
И никнет плач, и слезы высыхают,
И далеко внизу шумит поток,
И примулы сквозь камни прорастают,

И все синей, все выше небосклон,
И солнце, словно слиток, пламенеет —
И ниоткуда слышен тихий звон,
И ниоткуда тихий ветер веет.

Все выше небо, все быстрее взлет
 Трепещущей крылами легкой птицы...
 То Слово возвышает свой полет,
 О твердь небес готовое разбиться.

Воскрешение Лазаря

Посмотрел на высокое небо...
 Гром не грянул, не спела труба —
 Но, алкая небесного хлеба,
 Затаила дыханье толпа.

Молча встал перед гробом открытым,
 На лице Его выступил пот.
 Черный зев под ветвями ракиты —
 Тлен и прах укрывающий грот.

Тихо-тихо, одними губами,
 Что-то молвил — и очи закрыл...
 И трубою запел, и громами
 Над могилою заговорил:

«Брате Лазарь! О друже Мой милый!
 Светит солнце, и птицы поют,
 В небе лебеди стаяй проплыли,
 Облака вслед за ними плывут.

Просыпайся же, друг Мой любезный,
 Просыпайся, Мой названный брат!
 Поднимайся над страшною бездной,
 Возвращайся из праха — назад!

Лазарь! Лазарь! Восстань из могилы!
 Пробудися от смертного сна!
 Сбрось оковы неведомой силы,
 Погляди, как бушует весна!

Пробуждайся, Мой брат, поднимайся,
 Припадай, как младенец, к груди...
 Лазарь! Лазарь! Из гроба — рождайся!
 Из распада и тлена — гряди!»

И умолк Он с рыдающим стоном,
 И бездонные очи открыл...
 Что слова перед Высшим Законом,
 Преисполненным гибельных сил?

Что любовь перед этой могилой,
 Истокающей холод и смрад?

Не поднимется друг Его милый,
Не вернется из праха — назад...

Тьмой дохнуло. В плечах зазнобило.
Прямо в пыль повалилась толпа.
Тень из гроба на землю ступила.
Тень навстречу Мессии пошла...

«Тень? Не тень! Это Лазарь — смотрите!
Вот — спадают покровы к ногам!
Иисус, Ты — Мессия! Спаситель!
За Тебя я всю душу отдам!»

* * *

Вот и камень завалил пещеру —
Неподъемный, тяжкий, гробовой...
Укрепи в себе любовь и веру!
На прощанье — проведи рукой

По морщинам камня мелового,
По мучнистой, стылой белизне...
Не постичь вовеки волю Бога,
Скрытую в могильной глубине.

Не постичь вовеки волю Бога,
Помысел Его не угадать...
Сколько до назначенного срока
Остается нам терпеть и ждать?

Тайна, чудо, диво, свет пресветлый!
Божий мир в Твоих погас очах...
Над Твоей могилой неприметной
Ангел встал, как воин на часах.

Воскресение

Тайну, великую тайну,
Ночью, великою ночью,
Если очнешься случайно,
Тут же увидишь воочию.

Темное небо сияет.
Светлые звезды темнеют.
Звезды тебя не признают —
Месяц тебя пожалеет:

С неба прольется и тихо
Посеребит всю округу...
Спрячется в пропасти лихо.
Кони проскачут по лугу.

Дали приблизятся. Море
Синее — порозовеет.
Ветер на вольном просторе
Черные тучи развеет.

Видишь ли эту дорогу
И виноградник зеленый?
Гор лиловеют отроги.
Горлицы жалобно стонут.

Там, где петляет дорога,
К дикой скале приближаясь,
Тлеет костер понемногу,
Латники дремлют, стараясь

То ли заснуть, то ль проснуться,
То ли позвать на подмогу...
Встань у скалы, помолися
Ныне воскресшему Богу.

Вот Он встает над провалом
Черной, глубокой пещеры —
В легкой хламиде кровавой,
В центре пылающей сферы;

Вот Он идет по дороге
Тихим, размеренным шагом...
Нет, не поднимут тревоги
Римские трубы и стяги;

Нет, не поднимут тревоги
Сторожевые собаки...
Тихо цветут на дороге
Алые, жаркие маки.

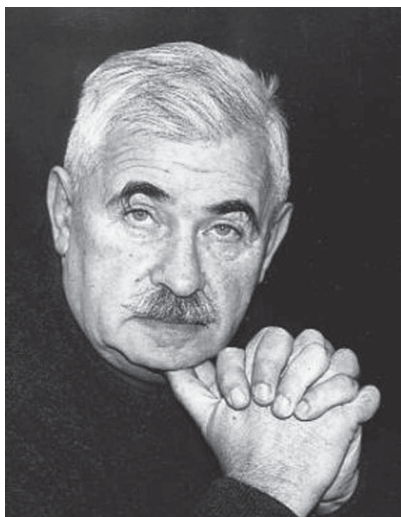
* * *

Светятся в охре и в зелени белые храмы.
В огненном сумраке белые свечи горят.
Реки текут. Тихо солнце встает за горами.
Белые-белые лебеди в небе летят.

Крик петушиный. Заливистый звон колокольцев.
Стадо мычащее. Звонкий пастуший рожок.
Сжатая нива стернею колючею колется.
Скоро, наверное, выпадет первый снежок.

Всплеск отдаленный на дне ледяного колодца.
Белый рушник у подножья святого креста.
Эта страна, что от века Россией зовется,
Ждет не дождется... И все же — дождется Христа.

АНАТОЛИЙ САЛУЦКИЙ

НЕМОЙ НАБАТ

РОМАН

10

Схватку с коронавирусом Путин возглавил лично.

Вообще говоря, к тому времени, когда президент воззвал к сплочению в борьбе с угрозой, смертельные страхи, обуявшие сограждан после первых холерно-чумных раскатов пандемии, слегка поутихли. Вести из Ухани обнадеживали: вирус не выкосит половину человечества, история знавала куда более жуткие заразные вспышки, а теперь речь идет в основном об ужесточении санитарных норм. Истероидные настроения пошли на убыль, коронаскептики заговорили о неких, по Солженицыну, «потемщиках», возжелавших через нарочно раздутую панику изменить глобальный миропорядок. В качестве подтверждений надуманности устрашающих слухов даже ссылались на радио «Свобода», ставшее поставщиком нервирующих фейков под девизом «Вирус разгрузит планету».

Но тут ковид полыхнул в расхлябанной гендерно-ювенальными безумствами Европе и в Штатах, где под морги пришлось пустить рефрижераторы. Мир оглянуться не успел, как замкнутые в национальных границах сражения с пандемией превратились в негласный чемпионат лидеров развитых стран, где призом стали личный престиж и авторитет государства. Призрак карантина начал бродить по России.

Однако, по мнению некоторых изощренных умов, охочих до конспирологии, была еще одна причина, побудившая российского президента стать публичным главковерхом антиковидных сражений. Особо осведомленные затейщики, по обыкновению ссылаясь на анонимные источники, утверждали, будто еще в декабре 2019 года стратегиче-

---

Продолжение. Начало — 2019. № 7–9; 2020. № 5, 6; 2021. № 4.

ская разведка уведомила Путина об уханьской угрозе, чреватой глобальным катаклизмом. И он срочно перенес мартовское послание на 15 января. Более того, по догадкам пытливых диванных аналитиков, именно угроза загадочной пандемии ускорила отставку Медведева, чью реформаторскую прыть, вязнущую в топях и хлябях экономики, Путин знал слишком хорошо. Он якобы даже вспомнил подходящее для таких случаев сталинское слово «канительщики».

Впрочем, для ускорения кадровых решений у Путина были и другие резоны. Смена правительства шла рука об руку с поправкой к Конституции, давшей ему право баллотироваться на президентских выборах 2024 года. Между тем опаснейшим ухабом на историческом пути России был именно нервный проект «Преемник», сопровождающий смену кремлевского лидера. Ельцин искал сменщика интуитивно, наугад, по подсказке окруживших его «энергичных людей», вроде Чубайса, которые крупно просчитались: преемник не позволил и дальше транжирить Россию, хотя личную безопасность своему предшественнику и его присным обеспечил сполна. Путин в 2008 году изловчил хитроумную схему тандема, позволившую ему вернуться в Кремль. В 2024 году, учитывая болезненный опыт медведевской пересменки, он предпочел не рисковать и остаться у власти через самопреемство. «Рукопашная» с пандемией — онлайн, на телеэкранах, в прямом эфире, у всех на виду — стала идеальным поводом для усердного воспеания лидера, причем с повышенной дозой восхвалений. Символы и знаки эпохи расставили в нужном порядке.

Но в эту политическую комбинацию был вплетен фактор, выпадающий из стандартной схемы. Конституция позволяла решить вопрос о самопреемстве на кремлевской кухне, в кругу дрессированной правящей стаи. Однако Путин выдвинул условие, усложнившее задачу, — обнуление прежних президентских сроков необходимо одобрить всенародным голосованием.

Зачем? Процедурная легитимность по Конституции соблюдена идеально. В то же время плебисцит, которого добивается Путин, юридически ничтожен.

Почему же, почему, помимо дежурных законодательных норм, центруверху понадобилось задействовать политическую волю народа?

Именно этот вопрос потаенно, неизреченно расколол сознание общества.

Копеечный люд, обездоленные, задавленные нуждой, прижатые вирусной невзгодой к нижней планке выживания на окраине бытия, потерпевшие и безгласные, ставя рекорды безропотности, не раздумывали над глубинными смыслами верховных замыслов, переживая тягучие дни эпидемии в социальном упадке.

Не вдавался в тяжкие раздумья о долгосрочных планах власти и взъерошенный, бешено мчащийся, словно белка в колесе, средний класс, по которому карантин ударил с особой жестокостью, не только подорвав текущие доходы, но и загнав в мозги, словно иголки под ногти, мучительный, свербящий вопрос: что дальше? Полные штаны счастья от саннадзорных послаблений не могли снять главную проблему: удастся ли сохранить бизнес после пандемии? Эти чернорабочие рынка, до безрассудства поглощенные заботами дня, барахтались в водоворотах жизни — «главные нервы» еще впереди, в туманном завтра! — мечтая сохранить свое место в России грядущих дней.

Как ни странно, эта же тревога, хотя совершенно иного смысла и свойства, снедала тех, кто жил кучеряво, кого ковид затронул вскользь, для

кого карантин стал лишь досадным неудобством, слегка осложнившим зарубежные полеты на бизнес-джетах, кто играл на бильярде шарами из мамонтовой кости. Эти изощренные в интригах дяденьки и тетеньки с пряником во рту и «мульёнами зеленью», вечно снующие возле больших денег, угадывали за решением Путина опереться на главный политический ресурс — голосование некий нераспознанный сценарий, грозящий обнулить влияние олигархических групп и кланов, оттеснить на обочину политики сплоченную клику «переустроителей России», задававшую тон с девяностых годов.

Искушенным во властных изысках царедворцам становилось ясно: «кривляние с поправками» сигнализирует, что в России вместо привычных, набивших оскомину пересудов о скором пришествии эпохи перемен настанет настоящая «ню хистори», начинается истинная смена вех, причем с каскадным эффектом. За риторическими фасадами антивирусной мобилизации Путин, перефразируя Плеханова, принялся молоть муку для будущих пирогов с новой начинкой. Фон российской жизни, модель власти, политические повадки, стиль общения с народом, да и сам Путин неуловимо менялись. Зависший в точке наивысшего маха маятник русского либерализма, принижавшего роль государства, словно держал паузу перед тем, как пойти в обратную сторону.

Разномастная привластная элита не могла с равнодушной зевотой, сводящей челюсти, взирать на то, как Путин подбирается к золотому запасу русского консерватизма, чтобы пустить его на возрождение страны. Настроения власти менялись. И те, кто рисковал быть изгнанным из круга избранных, использовали вязкую пандемическую паузу для напряженного осмысления своей завтрашней роли. Уход в молчание был отвергнут. Светский террариум зашевелился, групповые интересы топ-тусовочного сообщества возобладали над текущими разногласиями. В домашних уютках, на загородных виллах, на прогулочных речных комфортах независимо друг от друга, приватно, по-приятельски созывались на узкие randevu люди, чьи интересы могла затронуть новая повестка дня, кое для кого не исключавшая опалу. По их разумению, после всенародного «ДА» обнулению путинских сроков перемены в стране станут неизбежны и обернутся для них историческим вызовом. Но этим людям не нужны были ни революции, ни эволюции — пусть бы все оставалось как есть. Остряки шутили на злободневную тему: старая холера лучше новой заразы. Мастера блефа, они были крайне озабочены предстоящим переустройством собственных судеб, опасаясь блокирующих позиций Кремля.

Их братаны на вершинах власти зашатались. У некоторых настроения были паническими.

Как и в первый раз, бездисковый телефон связи с председателем правления ожил в кабинете Хитрука неожиданно. Счета по компроматным фейкам шли через Сташевского; когда вопрос был закрыт, Валерий Витальевич позвонил и кратко поблагодарил, сухим тоном дав понять, что общаться им теперь незачем.

И вдруг прежнее:

— Борис Семенович, если вы располагаете временем, через пять минут жду вас в переговорной.

Похоже, внезапность была важным элементом его тактики.

Они снова расположились в угловых креслах, и неожиданно для Хитрука, к его вящему удивлению, которое сразу отозвалось настороженно-

стью, Валерий Витальевич начал расслабленно, можно сказать, по-дружески:

— Во-первых, уважаемый Борис Семенович, еще раз спасибо, что пособили в деликатном дельце. Восхищен мастерством, с каким был исполнен этот медийный кашель, а особо ценю отсутствие утечки о моей заинтересованности в публикациях. Полной отдачи замысел не дал, да и не мог дать, однако частично удался — последовал легкий шторм негодования, и он уже сказывается. Но, как известно, аппетит приходит во время еды, теперь ясно, что надлежит держать ухо востро, избегать как чрезмерного пафоса, так и всевозможных увещеваний. Я с вами был предельно откровенен, не сомневаюсь, вы поняли мои устремления. Это и позволяет продолжить наши общения в том же духе. — Угадав, что с губ Хитрука вот-вот сорвется какая-то ремарка, упреждающе сделал стоп-жест ладонью. — Нет-нет, на сей раз никаких прыжков с батута на Луну или попыток углубиться ниже дна. Понимаете ли, Борис Семенович, события развиваются стремительно, на этой почве — кстати, не уверен, что она так уж благодатна, — вызревает потребность в мозговом штурме по важнейшей, базовой теме. Касаться ее сути сейчас не имеет смысла. Стратегическая дерзость! Нужны подробные пояснения. В данный момент я хочу обсудить с вами форму такого мозгового штурма.

Многоопытный службист, Хитрук привык мыслить конкретно, и упоминание о загадочной «стратегической дерзости» его изрядно смутило. От него пахло смрадом новых «прогрессивных ценностей», а сегодня они — не комильфо. Вдобавок, устыдившись своего недопонимания, он поплыл от «формы мозгового штурма». Что еще за «мозговой штурм»? Шарада! Но поскольку именно этот вопрос предлагался к обсуждению, нейтрально вставил:

— Под формой вы подразумеваете...

Валерий Витальевич откинулся в кресле:

— Это два отдельных вопроса. Первый относительно... — Поднял указательный палец, нажал голосом. — Относительно простой. Кого привлечь для глубокого осмысления темы? Мне на красной дорожке видится такой состав: я, Сташевский, мой давний приятель, крайне заинтересованный в данной проблеме, вы, уважаемый Борис Семенович, и некто пятый, кого вы сочтете возможным пригласить. Я вам доверяю.

С каждым словом разговор становился круче и загадочнее. Вдруг выяснилось, что деятель среднего кремлевского ранга Хитрук включен в некую топ-группу, которую возглавляет председатель правления крупнейшего банка, чтобы обмозговать тему государственного масштаба. Это в корне меняло ситуацию, и опыт изошренного служаки подсказал Борису Семеновичу, что он должен вести диалог на равных.

— Валерий Витальевич, не предполагая о теме мозгового штурма, затруднительно подыскивать партнера.

— Специальных познаний не требуется. Это должен быть человек, мысленно погруженный в перипетии текущей политики, памятный, гибкого и нетривиального ума. И, как говаривал небезызвестный сатирик позапрошлого столетия, умеющий умственным напряжением не расстраивать свое пищеварение. Почему я пригласил вас? Знаю, сколь статусно вы внедрены в номенклатурную среду, сколь широк круг ваших интересов, знакомств. И человек, вами рекомендованный, мышлением будет отличаться от расчетливых буквалистов вроде меня, что и требуется. Кстати, не думаю о ком-то из ваших коллег. Разнообразие, друг мой! Искомое таится на перекрестках взглядов и менталитетов. Но, разумеется, без экс-

тремистов и экстремалов... Да, еще одно «кстати» для уяснения замысла: речь ни в коем разе не идет о создании каких-то структур, о составлении неких документов, о дрызгах общественного свойства. Мозговой штурм в чистом виде! Опережающее мышление! Взгляд за пределы текущего дня. Стратегические подходы во имя стратегических выгод.

Валерий Витальевич все более увлекался, речь его, обычно размеренная, степенная, ускорила. Он поднялся с кресла, расхаживал по просторной комнате.

— Второй вопрос, уважаемый Борис Семенович, представляется мне более сложным. Где, в какой обстановке вести мозговой штурм, чтобы он помог неформально, по-крупному осмыслить проблему?

Хитрук удивленно поднял брови, указал рукой на длинный светло-лакированный переговорный стол:

— Разве не здесь? Полная гарантия конфиденции.

Председатель негромко усмехнулся, снова устроился в угловом кресле:

— А вот представьте... В десять утра у вас совещание в АП. К часу или двум вы прибываете сюда. А на шесть у вас назначена встреча с партнером. Обычный, рядовой день делового человека, будничная заурядность. О каком свободном полете мысли, без чего невозможен мозговой штурм, можно говорить при таком раскладе? Рабочий ритм, нацеленность на решение текущих задач — при чем тут размышления на какие-то абстрактные, оторванные от сегодняшней круговерти темы вне привычной компрадорской морали? Не-ет, уважаемый Борис Семенович, необходимо приподняться над повседневной суетой, вырваться из привычного круга чихов-пуков, избавиться от обременения текущими заботами. Формальная сходка бессмысленна, не даст ничего, кроме ошибочных выводов. Помните, я рассказывал вам о работе с Гусинским? По его словам, он начинал с заначки под стелькой своего башмака, но за несколько лет добился бешеного успеха. Артистическая натура! Но на политической переправе от Ельцина к Путину дал такого маху, что в Бутырку угодил — помню, как всю ночь дежурили у тюрьмы его «мерседес» и несколько сотрудников, в том числе и я, грешный. Правда, просидел лишь двое суток, после чего, как вам известно, отправился в дальние странствия по земному шару. Но почему его судьба вывернулась наизнанку? На этот вопрос в открытом письме ответил бывший гендиректор НТВ Добродеев: Гусинский использовал канал как «информационную заточку» для шантажа правительства и доступа к финансам. Ну, каково? Зарвался парень.

Опять поднялся с кресла, в задумчивости прохаживался вдоль переговорного стола. Вдруг воскликнул:

— Борис Семенович, а вам никогда не приходило в голову, почему знаменитая идея семибанкирщины 90-х годов зародилась на выездной тёрке наших олигархов в Давосе? Как говорится, на чужбине. Они что, не могли в Москве пересечься, чтобы умами пораскинуть, мозгами пошевелить? А вот не могли! По себе знаю: дела заедают, не до общих рассусоливаний. Но оторвались от повседневных насущностей — у них мозги и выдали свежие смыслы. Между прочим, с шутки все началось, мне рассказывали. Один ляпнул, что в Давосе можно передохнуть от московской свистопляски. А другой ответил: передохнуть-то можно, да как бы потом при Зюганове не передо́хнуть. А люди-то умные, ушлые, сразу и смекнули, вокруг чего надо копыя ломать и вокруг кого объединяться. Вот так, Борис Семенович.

О чем-то думая, продолжал вышагивать вдоль стола.

— Или другое возьмите. Вот готовят новых лидеров России. Зачем они на высотных тарзанках в пропасть прыгают, на Эльбрусы карабкаются, более того, в оперной школе «Геликон» стажируются? А суть та же: вырвать этих древолазов из повседневности, создать атмосферу исключительности, внедрить мысль о карьерном катапультировании, что позволяет переформатировать сознание. Какой-нибудь молоденький чиновничек из провинции, который только и умел, что подхрюкивать, глядишь, и кукарекать начнет. — Валерий Витальевич сдержанно рассмеялся. — На эту тему я мог бы трактат сочинить, люблю с людьми экспериментировать. Потому, уважаемый Борис Семенович, столь важное значение и придаю обстановке, в которой имеет смысл затевать мозговой штурм. Вот выбрали мы с вами нужных людей — а где собраться? Где наш Давос? Укатить в загородное поместье? Эка невидаль! Слетать в Ниццу, в одну из шикарных вилл Антиба, или, наоборот, на север Франции, в Довиль? Технических проблем нет, в разгар пандемии спрос на аренду бизнес-джетов бьет рекорды, санитарный режим для частных полетов упрощен донельзя, лети не хочю. Ну, полетим — и что? Курорт, он, во-первых, не в новинку, а во-вторых, хотите не хотите, отвлекает соблазнами. Там состоятельные господа жен и любовниц выгуливают, кругом клики пиршеств, заманчивые извивы вокруг металлических шестов, сплошной супер-гипер, глассаж обуви. А мы не герои стоицизма, способные избегать светского тлена. — Испытующе посмотрел на Хитрука. — Ну, что скажете по поводу моих измышлений, Борис Семенович?

Человек практического ума, Хитрук никогда не лез со своими мнениями в те сферы, о которых знал лишь понаслышке. В Ницце он бывал, заскочил на пару дней даже в Монте-Карло, однако полеты на частных «бомбардье» — не его стихия. И он предпочел вместо ответа перейти к вопросам.

— Валерий Витальевич, в ваших размышлениях, — он намеренно сделал сильный упор на приставку «раз». Умелое льстивое слово, в отличие от тошнотворного сюсюканья, всегда кстати, он подчеркнул, что всерьез воспринимает монолог председателя, иронически назвавшего свой спич измышлениями. Повторил: — В ваших размышлениях мелькнули предложения, которые в общем виде подсказывают тематику мозгового штурма. Повторюсь, в общем виде. Вы упомянули о политической переправе от Ельцина к Путину.

Валерий Витальевич удовлетворенно кивнул:

— Искренне рад, что вы сразу ухватили главное, это еще одно подтверждение вашей проницательности. Мои размышления о форме мозгового штурма как раз для того и нужны, чтобы аккуратно ввести вас в курс дела, объяснив масштабность задачи. — Улыбнулся. — Я намеренно упаковал суть дела в уйму частных подробностей, мимоходом и Гусинского приплел, а вы спикировали именно на переправу. Мы с вами сотрудничаем уже несколько лет, и вижу, что я в вас не ошибся.

Хитрук никак не откликнулся на комплимент и продолжил в деловом тоне:

— Тем не менее в данный момент меня особенно интересуют сроки мероприятия, ибо по части его локации я полностью доверяю вашему опыту.

— Откровенно говоря, все уже продумано. Как только мы завершим формирование команды, можно начать согласование удобных для всех сроков. Что касается регламента, считаю наилучшим такой график: вы-

лететь из Москвы после обеда, заночевать, потом работать полный день и следующим утром вернуться в Москву. Весь банкет за мой счет. Медлить нельзя, иначе всех нас потом укутут в каталажку за растрату времени.

После той странной — нет, скорее загадочной беседы Хитрук долго сидел за рабочим столом, в задумчивости барабанил пальцами по мягкому сукну. Безусловно, это был звонок новой реальности. Его поразил — нет, все-таки приятно удивил мудрый ход Валерия Витальевича, который через долгие рассуждения о форме мозгового штурма дал понять, что намечается обсуждение политической переправы от одного Путина к другому Путину, однако так и не обозначил конкретную тему, лишь пояснив, что никакой общественной бузы не предвидится. Не без удовлетворения подумал: «Да-а, в моих перспективах замаячил уровень государственных деяний».

Но во всем этом деле была одна мелкая, частная загадка: при чем тут Сташевский? Рядовой помощник председателя, имеющий доверительные отношения с шефом, только и всего. И вдруг — на красной дорожке, участник мозгового штурма. Чиновничий инстинкт подсказывал: не-ет, не такая уж сия загадка мелкая, присутствие этого пожилого, медленного, скучного, даже унылого человека со следами увядания на лице таит в себе некий сюрприз.

Капитально обмозговав нестандартную беседу в переговорной, Борис Семенович утвердился во мнении, что везучее сближение с кругом лиц олигархического звания, к которым как пить дать принадлежит председатель правления банка, подоспело в самый раз. В коридорах власти пошла большая суета, чреватая кое для кого позором отвержения; иных думаков и кремлядей средней руки, вроде Хитрука, могут пустить в политический расход, погоду будут делать другие люди. Однако после таинственного мозгового штурма, затеянного — мать честная! — самим Валерием Витальевичем, в предстоящей кадровой кутерьме можно задуматься и над игрой на повышение. Нужен! Но, верный своему правилу погружаться не в мечтательные разные разности, а в решение текущих проблем, он отбросил витание в облаках и углубился в обдумывание поставленной задачи: кого взять пятым?

Вариантов хватало с избытком, однако же председатель правления неспроста красиво, мимоходом предупредил, что не рассчитывает на кремлевских коллег Хитрука, поскольку это обернется однообразием подходов. А кто из добропорядочных знакомых представляет другой срез власти? Но только спросил, как сам собой явился и ответ: дел-то всего ничего — Немченков! Тут и гадать незачем. И должность в самый раз, а главное, с окружного уровня многое видится иначе, нежели с федерального. Вот вам, Валерий Витальевич, и искомое разнообразие.

Позвонил сразу:

— Георгий Алексеевич, удастся ли вам завтра в удобный для вас час заскочить ко мне в банк? Минут на десять. Разговор краткий, но важный.

Разумеется, Немченков прибыл тогда, когда было удобно Хитруку, — к полудню, — и Борис Семенович, лицо в лицо усевшись с ним за приставным столиком, красочно живописал заманчивую поездку узкой группы лиц во главе с председателем банка. Он был уверен, что получит благодарное согласие, но Георгий Алексеевич не торопился с ответом.

Вопрос был непростой. Заповедь, воспрещающая агентам влияния принимать участие в активных мероприятиях, крепко въелась в сознание.

Низ-зя! Но сказки Шехерезады, расписанные Хитруком, очень уж подошли на описание сходки, участников которой, вполне возможно, если не наверняка, возьмут на карандаш. Тут без оглядки никак! Не кошерно! В то же время загадочный «полуолигархический» мозговой штурм был крайне интересен по части добывания политической информации, бесценной для Винтропа. Упустить такой редкий шанс — ни боже мой! Взвесив «про» и «контра», мягко, в задумчивости постучал тыльной стороной ладони по столешнице, поморщился как бы с досады:

— Безмерно признателен, Борис Семенович. Предложение восхитительное, вдобавок, я бы сказал, с некими перспективами. Мы с вами понимаем, о чем речь, с какими людьми входим в близкий контакт, до какого уровня возвышаемся. Но я не могу сразу, вот здесь сказать «да». Дело не в сроках, сроками можно варьировать. В том дело, что наша чиновная жизнь помчалась во весь опор, с запредельными перегрузками. Весьма важное начальство, повыше моего непосредственного шефа, факультативно попросило меня изучить некую проблему, требующую глубинного погружения. Сейчас я целиком в ней. — Коснулся головы пальцами обеих рук. — А в столь ответственном мозговом штурме надо держать себя высоко. Смогу ли? Тем более не зная темы, не имея возможности заранее все лишнее из головы вон. А наудачу, вслепую удочку закидывать я не приучен. Надо крепко подумать, я не вправе вас подвести, Борис Семенович. — Завершил четко, ясно: — Ответ дам завтра.

Выйдя из банка и сев в машину, сразу позвонил Суховею:

— Через двадцать минут буду на Варварке.

Когда они, по обыкновению, пересеклись на прогулке вдоль верхнего ограждения парка «Зарядье», Суховой сразу уловил, что Немченков на взводе. Он начал с ходу, напористо, не поздоровавшись, подчеркивая непривычной манерой особость срочной встречи:

— Я нутром чуял, что тот левый кешбэк выведет нас на крупное дело. — Сделал короткую паузу, добавил многозначительно: — По профилю! Компромат на банкира мне подкинул некто Хитрук из того же банка. Ну, это еще куда ни шло: в каждой избушке свои зверушки. Важнее другое. Полчаса назад этот Хитрук пригласил меня вместе с ним на пару дней слетать за рубеж, чтобы в узкой компании обсудить какую-то государственную тему. И кто во главе? Кто закопёрщик? Банкир, на которого Хитрук накопал компромат. Только руками развести! Азартная у них игра! — Завершив энергичный вступительный спич, перешел на обычный деловой тон. — Формально их игры нас не касаются, пусть друг другу кудри расчесывают. Но!.. — Остановился, в упор глянул на Суховея. — Валентин Николаевич, вы представляете, сколько интереснейшей политической инфы можно снять с такой зарубежной эскапады?

— Простите, Георгий Алексеевич, — вставил Суховой. — Международные авиаперелеты пока не возобновлены.

— Бизнес-джет! В том-то и дело, что публика архисолидная, разговор у них неофициальный, конфиденция, а тема государственного звучания. Валентин Николаевич, это же какие наваристые щи! Нет, уха осетровая! Олигархи-неформалы!

Несколько минут Немченков вышагивал молча, давая возможность Суховею переварить услышанное. Потом снова остановился, снова посмотрел в упор.

— Думаю, незачем объяснять, почему мой статус по линии нашего общего друга не дает мне права во благо использовать эту необычайно за-